

характерна саме відсутність у ній реальності” [3, 94].

Для сучасного українського політичного процесу важливим завданням виступає проведення реформ з модернізації різних сфер суспільного життя, зокрема – економічної та політичної, які неможливо уявити без опори на раціональність у діях індивідуальних акторів та окремих інститутів.

Проте, з урахуванням постмодерної критики, важливо виконувати такі умови, як орієнтацію на нове з урахуванням традиції, поєднання ціннісної і цільової раціональності, використання традицій як передумови модернізації, урахування значення релігії та міфології, забезпечення демократичного характеру влади поряд із визнанням авторитетів у політиці тощо.

СПИСОК ВИКОРИСТАНИХ ДЖЕРЕЛ

1. Андрусів В.В. *Інституційна зміна і симулятивні інститути* / В. В. Андрусів // *Нова парадигма. Філософія. Політологія. Соціологія : Журнал наукових праць*. - К. : НПУ, 2007. - Вип. 71. - С. 121-133.
2. Кінг Ентоні Д. Часи й простори модерності (або кому потрібен постмодернізм) / Кінг Ентоні Д. // *Глобальні модерності*; За ред. М. Фезерстоуна, С. Леша, Р. Робертсона; пер. з англ. Т. Цимбала. — К.: Ніка-Центр, 2008. — С. 158 – 178.
3. *Енциклопедія постмодернізму* / за ред. Ч. Вінквіста та В. Тейлора; пер. з англ. В. Шовкун; наук. ред. Пер. О. Шевченко. — К.: Вид-во Соломії Павличко «Основи», 2003. — 503 с.
4. Леш С. *Соціологія постмодернізму* / Леш С. // *Перекл. з англійської Юрія Олійника*. – Львів: Кальварія, 2003. – 344 с.
5. Парсонс В. *Публічна політика: вступ до теорії й практики аналізу політики* / Вейн Парсонс. – К. : Вид. дім „Києво-Могилянська академія”, 2006. – 549 с.
6. *Політологія: підручник* / Ю.М.Розенфельд, Л.М.Герасіна, Н.П.Осипова, М.І.Панов, О.М.Сахань, О.В.Ставицька - Харків, Право, 2001.
7. Старецька Л. *Теорії політичної модернізації: ліберально-демократичні концепції в сучасному контексті* / Л. Старецька // *Незалежний культурологічний часопис «І»*. — 2000. — № 19. — С. 114–123.
8. Яковлев Д.В. *Політична взаємодія як комунікативний процес : медіатизація, демократизація, раціоналізація* / Д.В. Яковлев. – Одеса : Астропринт, 2009. – 288 с.
9. Ярошенко Л.В. *Інституціональний аспект політичної модернізації [Електронний ресурс]* / Л.В. Ярошенко // *Мультиверсум. Філософський альманах*. - К.: Центр духовної культури, - 2007. - № 66. – Режим доступу: http://www.filosof.com.ua/Jornel/M_66/Yaroshenko.pdf

Калёнова Е.О – аспірантка кафедри соціології та філософії ЮНПУ ім. К.Д. Ушинського

УДК:140.8:36.6

ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ВЫБОР В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

У статті аналізується специфіка поняття ідентичності в умовах глобалізації. Розглядається соціальний контекст, котрий тягне за собою зміни в процесі ідентифікації на індивідуальному та колективному рівнях. Ідентичність стає формою онтологічного вибору особи, її здібності до інтеграції досвіду.

Ключові слова: ідентичність, ідентифікація, ментальність, колективна/особистна ідентичність, глобалізація.

В статье анализируется специфика понятия идентичности в условиях глобализации. Рассматривается социальный контекст, который влечет за собой изменения в процессе идентификации на индивидуальном и коллективном уровнях. Идентичность становится формой онтологического выбора личности, её способности к интеграции опыта.

Ключевые слова: идентичность, идентификация, ментальность, коллективная/личная идентичность, глобализация.

In the article the peculiarity of the notion of identity in the conditions of globalization is analyzed. The social context implying the changes in the process of identification on the personal and social level is regarded. Identity becomes the form of the personal ontological choice, its ability to integrate the experience.

Key words: *identity, identification, mentality, social/personal identity, globalization.*

Целью данной статьи является раскрытие специфики социального контекста механизма идентификации, а также проследить особенности формирования идентичности в современную эпоху глобализации и постмодерна.

Классический подход означает субстанциональное представление об идентичности как о стабильном устойчивом ядре личности. Собственно, идентичность - это интегрирующая способность личности как целого. Необходимо различать идентичность как срез личностных слоёв во времени и идентификацию как механизм формирования, конструирования и обретения идентичности. В социальном конструктивизме свобода субъекта формировать свою идентичность полагается несомненной и абсолютной, тем более, что в век космических скоростей объектом выбора становится не только гастрономические и политические предпочтения, но и иные характеристики личности, позволяющие ей испытывать сопричастность и отождествлять себя с внешними структурами.

В определенном смысле идентичность является стержнем единства личности, способом сохранения тождества в динамике постоянного изменения, в моменты критических надломов и кризисов. Потребность личности постоянно определять свое положение в мире в системе пересечений социальных и культурных смыслов, индивидуальных и надиндивидуальных, влечёт за собой непрерывающийся процесс самоидентификации в соответствии с индивидуальным жизненным опытом и ценностными ориентирами.

Парадоксально, но кризисы как моменты максимального отрыва от прошлого опыта и интеграции нового опыта в систему личных смыслов являются необходимым условием формирования идентичности. Собственно, без подобных кризисов невозможен сам механизм самоидентификации, когда единство личности находится под большим риском перед новым витком интеграции.

Современное общество вступило в информационную эпоху, поэтому коренным образом претерпевают изменения не только повседневные практики, но и мир в целом. Меняются все сферы социального бытия, в том числе и сфера межличностных и межгрупповых связей. Характер глобализационных процессов противоречив и носит разновекторный характер: с одной стороны, возникли совершенно новые возможности для сотрудничества между отдельными индивидами и странами, расстояния больше не играют роли препятствий для совместных проектов и творчества, развитая система транспорта и коммуникаций позволяет не просто чаще общаться, но предполагает непрерывную возможность общения. Сам стиль коммуникаций подвергается кардинальным изменениям благодаря развитию технологии. С другой стороны, выявляются и негативные стороны процесса глобализации, такие, как распространение массовой антикультуры, маргинализация, падение образовательных и социальных стандартов, «макдональдизация»[5] (Дж. Ритцер), неравенство, «американизация», уничтожение самобытности национальных культур, разрушение традиций, омассовление, дробление общества и появление множества субкультур, диверсификация ценностей и отказ от социальных обязательств.. Общение рискует стать поверхностным несмотря на открывшиеся возможности, «застыть» на уровне коммуникационных клише-жестов. Последствия возрастающей мобильности населения, будь то вынужденной или добровольной, таковы, что контакты между людьми количественно множатся, при том, что они носят кратковременный и фрагментарный характер[9, с. 77].

Как утверждает А. Тоффлер (р.1928), американский социальный теоретик, «даже экономические проблемы отходят на второй план в сравнении с невозможностью для представителей основных социальных групп найти приемлемый для себя ответ на вопрос «кто мы такие?» и вытекающие отсюда ответы о целях, смысле, ценностях отдельной личности и выборе ею пути» [10, с. 50].

Приходится заметить, что в современном обществе парадигмального кризиса ценностей и состояния культурной растерянности, своеобразного «межвременья» и «межкультурья» идентичность носит текучий, плавающий характер, не успевая оформиться на уровне констант, как это было в прошлые времена. Связан этот процесс с тем, что индивид, пытаясь приспособиться и сформировать свою собственную историю в системе социальных координат, примеривает на себя разнообразные социальные маски, пытаясь адаптироваться к меняющемуся социуму, диктующему извне «правила игры» на поле социальной реальности.

Индивид посредством механизмов идентификации создаёт свой образ, свою идеальную модель, которой стремится соответствовать. Например, в Средние века существовал жанр дидактических назидательных рассказов – притч, легенд, которые служили образцом для подражания

- «*exempla*», нравоучительных примеров.[1, с.7] Этот жанр, своими истоками восходящий к ораторской античной традиции, широко использовался в проповедях христианскими священниками и членами монашеских орденов. *Exempla* призваны были учить, предлагать эталон поведения в разнообразных ситуациях на примере случаев из жизни благочестивых людей. Издревле подобную же роль «примеров» играли легенды и сказания, многие народы вели свою легендарную генеалогию от персонажей героического эпоса. В религиозной литературе до сих пор популярен жанр агиографии (жития святых), а Четьи-минеи, сборник ежедневных поучений и наставлений в вере, является обязательной настольной книгой православного верующего. На протяжении истории христианской церкви жанр описания жития святых и блаженных составлял важную часть духовного воспитания паствы. Из источников прошлого известны названия светских сборников нравоучительных притч, таких как «Великое Зерцало» и «Юности честное зерцало» (литературный памятник эпохи Петра). В советское время в 1933 по инициативе М. Горького вновь начала издаваться серия «Жизнь замечательных людей» (до 1907 г. книги издавались издательством Ф.Ф. Павленкова), в которой печатались художественные биографии славных людей прошлого. Также, в советскую эпоху был популярен жанр рассказов о революционерах и соратниках В. Ульянова (Ленина). Соотнося себя с героическими примерами прошлого, во все времена индивид формировал свой образ в соответствии с легендарными личностями прошлых эпох.

Польская исследовательница истории морали, Мария Оссовская подчеркивает важную роль личностных образцов в системе социального воспитания, различая пропагандируемые (декларируемые социальными институтами общества) и реально реализуемые, признаваемые образцы.[2, с.31-33]. Помимо этого, в социуме имеют значение также и «антиобразцы» - модели нежелательного, социально неприемлемого или осуждаемого поведения, отрицательные модели, от которых личность «отталкивается».

Со времен Античности до нас дошла латинская поговорка “*exempla docent*” (примеры учат), которая обращает наше внимание на то, что подражание значимым Другим в высокой степени присуще детям, благодаря чему запускается процесс обучения. Достаточно наличие примера, образца рядом – и ребенок будет пытаться повторить то, что он видит и слышит. Более того, близкое окружение ребенка и будет служить моделью, образцом для подражания – от типа поведения до эстетических вкусов. Неслучайно психологи знают, что какие бы нормы и ценности родители не декларировали вербально, дети будут воспроизводить именно те модели поведения и реакции, которые они, говоря метафорически, «впитывают с молоком матери». На идее подражания и отождествления строится как предметное обучение, так и обучении неписаным правилам общества.

Если обратиться к учению К. Юнга об архетипах, то можно провести аналогию процесса самоидентификации личности с актуализацией содержания архетипов в психике во время получения опыта, запускающего механизм актуализации. Интересно отметить, что для самого Юнга вместилищем - то есть топосом - архетипов являлось коллективное бессознательное, общим для всего человечества глубинным слоём психики. Идентичность развивается и формируется нелинейно, зависит от многих социальных условий, в которых находится личность. Существуют и так называемые возрастные «пики» формирования идентичности. Можно говорить, что идентичность помимо отождествления носит вместе с тем характер обособления личности от подобия, нахождения подлинного уникального и самобытного способа экзистенции в мире. Также представляется правомерным говорить об идентичности как о пульсирующем процессе становления нового и перегорания старого в опыте единичного человеческого бытия.

Можно сказать, что идентичность - это выбор идентичности. Возьмем к примеру, такое модное увлечение как вегетарианство. Быть или не быть вегетарианцем – вопрос выбора, а не исходных условий. Если человек «вегетарианец» потому, что он не в состоянии покупать мясо в силу недостатка средств, его нельзя назвать истинным вегетарианцем, да и скорее всего, если будет такая возможность, он с удовольствием съест бифштекс. Нельзя быть вегетарианцем поневоле. Им можно решить стать в силу определенных обстоятельств (желание сохранить здоровье, пример близких или значимых людей, этическое неприятие мяса как следствие убийства), после тщательного рационального обдумывания – и принять осознанное решение: быть вегетарианцем.

Известный пример японского культового писателя Юкио Мисимы ( ) также говорит о возможности преодоления исходных, базовых условий, в которых индивид «застаёт» социальную реальность, исторически и культурно сложившуюся до его появления на свет. Мисима сумел из хилого и не блестящего здоровьем ребенка стать известной в Японии мужской моделью - бодибилдером. Также, например, известно, что один из тех философов, благодаря которым мир

сегодня нами видится именно так, а не иначе – Иммануил Кант – не отличался крепким здоровьем, но благодаря строжайшему распорядку дня вкупе с дисциплиной смог заниматься серьезной философской деятельностью, прожив долгую и плодотворную жизнь. Примеров, подобным этим – несть числа, и все они говорят о том, что воля индивида способна превозмочь многие негативные исходные данные, касающиеся рождения в определенной семье, городе, нации, государстве, континенте, в определенное историческое время.

Нынешнее время, время торжества неолиберальной экономики и идеологии, победного шествия капитала через любые границы – как государственные, так и моральные – предлагает индивиду большую степень свободы в выборе собственной идентичности. Смягчение законодательства, казуистика правового сознания, особенно на пространстве бывшего СССР («если нельзя, но очень хочется – то можно»), либерализация нравов, возведение толерантности в ранг наивысшей добродетели, размывание коллективных идеалов, распространение идеологии наживы любой ценой, шокирующий цинизм власть предержащих, массивный поток т.н. «массовой культуры» в масс-медиа, ТВ, изменение эстетики городов – вместо изысканной архитектуры прошлого бум строительства сопровождается уродованием городского ландшафта, в которого на каждом столбе висят рекламные щиты и постеры, зазывающие «как бы понарошку», наслаждаться жизнью, вне каких бы то ни было моральных ограничений, негативные социальные и экономические условия, в которых не остается места надеждам на стабильную жизнь – в таких условиях индивид обнаруживает свою несостоятельность соответствовать «требованиям времени». Декларируемая внешняя свобода заменяется латентными цепями, тонко и незаметно опутывающими каждого, пытающегося заполучить хоть какие-то гарантии на будущее. Никаких гарантий, увы, не предполагается, более того, кризис и нестабильность – не какие-то моменты в жизни социума, а непреложный атрибут социальных реалий пост-советского пространства.

Каковы сегодня возможности осознанного выбора идентичности? Несомненно, что глобализация, распространение сети Интернет кардинально изменяют социальный мир.

Важно упомянуть, что в современную эпоху постиндустриального общества структура идентичности становится все плюралистичной, полиморфной. «Текущая современность» (З. Бауман) вынуждает личность непрерывно улавливать новые тренды развития, «быть в курсе», а значит, и постоянно настраивать свою идентичность на сознательно избранную волну собственных внутриличностных предпочтений и социальных программ извне. Глобализирующийся мир становится прозрачен, окутывается множеством коммуникационных связей, наряду с этим появились возможности для добровольного эскапизма и максимально автономного существования. Неслучайно на просторах СНГ набирает все больших сторонников движение молодежи за родовые поместья, «возврат к природе», «возврат в деревню», дауншифтинг – жизнь в больших городах-мегаполисах, несмотря на развитую инфраструктуру, становится все более невыносимой для человека, считающего себя не только винтиком в громадном механизме общества как социальной машины.

Множество политических партий, множество коммерческих стилей, множество товаров на полках магазинов – мы буквально наблюдаем изобилие производства, изобилие выбора, когда выбор мощного средства для посуды требует немалых интеллектуальных усилий. Именно это является одним из самых существенных изменений в области потребления, по мнению некоторых исследователей в области менеджмента: взрывной рост ассортимента товаров даже в пределах одной категории [3, с.13]. Дальнейшее стремительное расширение выбора в потреблении провоцирует возникновение психологических проблем, провоцируют пресыщение и усталость; из-за своеобразной тирании выбора люди утрачивают навыки принятия решений [3, с. 18], впадают в хронический стресс, впадают в «футурошок» (Тоффлер). В будущем нас ожидает «ускорение всего и вся» в связи с тем, что «сложность порождает выбор; выбор стимулирует технологию; технология создаёт сложность» [3, с.20].

Одновременно с ускорением и технологизацией производства происходит виртуализация социального пространства, влияние сети Интернет и масс-медиа в формировании представлений о мире увеличивается, меняется самовосприятие человека, а значит и идентичность.

Тем не менее, несмотря на очевидное усложнение и дифференциацию товарного производства французский мыслитель Ж. Аттали в своей книге «На пороге тысячелетия» описывает противоположную тенденцию, предостерегая, что «никогда еще мир не находился в таком плену у законов, диктуемых деньгами. Капитализм нахально выражает уверенность в своем полном превосходстве... Он вознаграждает победителей и карает побежденных. Но сам успех капитализма создает условия для его провала. Грядущий мировой порядок будет связан с опасностью: он будет

относиться к природе как к товару и превратит самого человека в товар массового производства... Мечта о бесконечном, неограниченном выборе может завершиться такой кошмарной ситуацией, где вообще не будет никакого выбора. Мир **изобилия** может погрузиться в век всеобщей скудости» [4, с.26].

Следовательно, разговор об идентичности возможен лишь в том случае, если индивид обнаруживает веер возможностей, которыми он способен воспользоваться, чтобы выбрать, каким быть. Тоффлер пишет: «Внезапная популярность лозунга «создай свой стиль» является отражением этого исторического движения. Ибо чем более фрагментарно или дифференцировано общество, тем больше число разнообразных жизненных стилей. И чем более социально приемлемые модели жизненных стилей выдвигаются обществом, тем ближе оно к состоянию, когда каждый член общества создает уникальный и только ему присущий жизненный стиль» [10, с. 257].

В мире объективно идет процесс глобализации, но он носит амбивалентный характер, служа как фактором модернизации, так и, как это ни кажется странным, катализатором иных, «ретроградных» тенденций. Всемирное расслоение населения, чуждость правящих элит народным массам уже стали привычными явлениями. Опасные тенденции нарастания социальной напряженности и состояния «утраты смысла» среди целых народов, что можно явственно видеть на пространстве бывшего СССР, усиливаются. Многие социальные теоретики обеспокоены тем, что мир находится на пороге гражданской войны.

Культурно-цивилизационная идентичность может трактоваться как совокупность представлений человека о собственной принадлежности к определенной культурно-цивилизационной общности, которая основывается на общих ценностях, а также на соответствующих социальных институтах и отношениях. Под самоидентификацией понимается процесс выбора человеком или социальными группами соответственно той или иной идентичности. И именно то, каким образом происходит культурно-цивилизационная самоидентификация народа страны, во многом зависит главный вектор развития общества и его будущее.

Размышляя о национальной идентичности, Ален де Бенуа, французский противник либерализма, ставит под вопрос причинно-следственную связь распространения иммиграционных процессов с глобальным кризисом идентичности: «Это вовсе не вина иммигрантов, если французы, по-видимому, более не способны воспроизводить свой собственный образ жизни и демонстрировать миру оригинальность мышления и бытия. Это также не вина иммигрантов, если социальные связи разрушаются повсюду, где распространяется либеральный индивидуализм, если насаждение эгоизма сужает общественное пространство, которое могло бы послужить горнилом возрождения деятельного гражданского духа, и если люди, живущие по законам рыночной идеологии, становятся все более чужими сами себе. Это не вина иммигрантов, если французы все в меньшей степени образуют народ, если нация становится призраком, если экономика глобализируется и люди не хотят быть более творцами собственной жизни, но принимают все больше и больше то, что решают за них, начиная с ценностей и норм, в выработке которых они не участвуют. Наконец, это не иммигранты оказывают воздействие на умы и навязывают на радио и на телевидении звуки, образы, интересы и модели, «прибывшие из-за бугра».[6]

Исследователь также с горечью констатирует, что «подлинные причины стирания французской идентичности - это на самом деле те же самые, которые вызывают размывание всех прочих идентичностей: то, что модель государства-нации изжила себя, разрушение всех традиционных институтов, упадок гражданского духа, кризис представительной системы, подражание американской модели и т.д. Одержимость потреблением, культ материального и финансового «успеха», исчезновение идей общего блага и солидарности, то, что индивид не связывает свое будущее с судьбой коллектива, развитие технологий, отныне ставших независимым фактором, растущий экспорт ценностей, утрата экономической, промышленной и медийной независимости – только они в несравненно большей степени размывали «однородность» французского населения, чем это могли делать иммигранты, которые сами не в последнюю очередь являются жертвами этих процессов. ..Если французская (и европейская) идентичность и разрушается, то это происходит прежде всего по причине обширного процесса возрастания однородности в мире средствами техники и экономики, главным двигателем которой является транснациональный или имеющий своим центром Америку империализм и который распространяет повсюду чувство бессмысленности, т.е. ощущение абсурдности мира, разрушающее органические связи, размывающее общественную природу человека и каждый день делающее людей чужими друг другу.»

Идентичность не является константой, скорее, она определяет нашу «специфическую манеру

изменяться» и также «то, что нам позволяет изменяться», при этом оставаясь самим собой.»[7] З. Бауман, говоря об идентичности, выделяет два противоречивых желания личности: оставаться собой и вместе с тем быть иным.[8]. Проблема идентичности и идентификации в данном контексте может быть интерпретирована в ракурсе проблемы Другого как нетождественного, иного.

После геополитической катастрофы – распада СССР – и вхождением бывших социалистических республик в пространство либеральной экономики и свободы рынка, выяснилось, что былые нормативные кодексы и оценки «не работают», не обеспечивают воспроизведения благоприятной социальной атмосферы для самореализации. Во время переходных периодов именно идентичность обуславливает способность индивида к ассимиляции личностного и социального опыта и поддержанию собственной цельности и субъектности в постоянно изменяющемся внешнем мире.

Проблема идентичности на рубеже тысячелетий вышла на первый план и становится неперенным предметом обсуждений и исследований специалистов и ученых.

Каким образом возможен опыт как таковой? Как индивид вписывает себя в социальную реальность, каким образом отвечает на её изменения? В связи с расширением всемирного иммиграционного процесса и с изменением демографической ситуации среди белого населения проблема идентичности встала особенно остро. Выяснилось, что идентичность бывает индивидуальная, коллективная, расовая, культурная, историческая, национальная, государственная, возрастная, религиозная, гендерная и пр – наверное, можно перечислять довольно долго виды возможной идентичности. Что же такое идентичность?

В отличие от ментальности, в которой присутствует множество неосознанных аспектов, идентичность более-менее осознана, она является образом идеального, с которым себя ассоциирует субъект. Возникновение концепта "менталитет" в науке связывается с трудами в области культурной антропологии, истории и социальных наук (Леви-Брюль, Л.Февр, М. Блок, Ж. Ле Гофф и др). Необходимо отметить, что понятие ментальности прочно вошло в научный оборот благодаря исследованиям школы «Анналов» и до сих пор остаётся актуальной темой в работе обществоведов. По выражению А. Гуревича, понятие «менталитета» находится между осознанными и неосознанными предпочтениями, интересами и ценностями и носит в большинстве случаев неосознанный имплицитный характер. Менталитет является общей характеристикой группы, будучи глубинной константой народного бытия, а индивид как социальный атом в свою очередь является носителем этого общего свойства. По преимуществу, менталитет – коллективная универсалия, центр которой – общность людей, в то время как идентичность формируется из личности как центра принятия решений. Идентичность же, в первую очередь, тесно связана с личным идеалом и идеальным образом самого себя.

В методологии социальных наук используется бинарная оппозиция «индивидуальное-социальное» для объяснения взаимодействия полей общественного и индивидуального бытия, их пересечения в точке «Я», которое создаёт различные конфигурации личности, а значит и идентичности как способа дифференциации социального вещества. Почему проблема идентичности стала такой острой на рубеже тысячелетий? Кризис идентичности связан с растерянностью, которая обусловлена необходимостью выбора - личного, группового, общественного, государственного – дальнейшего направления. Наличие выбора самого по себе ещё не означает свободы, т.к. может оказаться, что ни одна из имеющихся возможностей не подходит. Вопрос стоит не только «кто мы?», а и «какими мы хотим быть?». Возможно, что предельно заостренный вопрос об идентичности может быть сформулирован совсем по-гамлетовски: «Быть или не быть?»

На протяжении истории можно наблюдать крушение государств и империй, и связанных с этим процессов деформации идентичности вплоть до её утраты. Старые идеалы входят в противоречие с новыми императивами эпохи, и тем, кто не сумел адаптироваться, перестроиться или даже подстроиться в прокрустово ложе ценностей сегодняшнего дня, грозит вымирание в силу неспособности «быть на плаву» в довольно агрессивной социальной среде, играть по определенным, заданным извне правилам и ценностным ориентирам. Системный кризис социальной жизни усиливается серьёзным расхождением личного идеала и обнаруживаемых социальных реалий. Например, в 90- гг на пост-советском пространстве в моду вошли боевики и фильмы, показывающие жизнь «братвы» и криминалитета, что отражало общую криминализацию социума. Массовая культура воспроизводит модели и образцы тех социальных типов, которых можно считать «героями нашего времени».

Прекращение существования СССР сравнивают с крушением империи, ведь граждане некогда сильной страны оказались, что называется «у разбитого корыта» с обманутыми ожиданиями и

несбывшимися надеждами на лучшее будущее. Вопрос об идентичности остаётся открытым. На данном этапе в условиях глобализации социально-экономические и культурные изменения стремительно ускоряются, идет активный процесс распада прежних институтов и связей в социуме. Все уровни и структуры социального уклада вовлечены в процесс трансформации, состояние нестабильности, неопределенности становится символом эпохи, чувство коллективной солидарности и «мы»-сознания утрачивается. Меняются социальные декорации, старые модели и образцы уходят в прошлое вместе со своими кумирами и героями, и на социальную сцену заступают новые герои. От этих героев как образцов зависит, как будут идентифицировать себя участники большой социальной игры на поле социального бытия, потому что идентифицироваться прежде всего означает «быть».

ЛИТЕРАТУРА

1. Exempla: литературный жанр и стиль мышления// Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. М., «Искусство», 1989 – 368 с.
2. М. Оссовская Рыцарь и буржуа: Исслед. по истории морали. – М.: Прогресс, 1987 – 528 с.
3. Дж. Траут со Стивеном Риквиным /Дифференцируйся или умирай!. – СПб.: Питер, 2003. – 224с.
4. Аттали Ж .На пороге нового тысячелетия. М., “Международные отношения” 1993. - 135 с
5. Джордж Ритцер. Макдональдизация общества 5. – М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011. – 592 с.
6. Ален де Бенуа. Размышления об идентичности. [Электронный ресурс] Режим доступа <http://www.nb-info.ru/antipotkin/ident200611.htm>
7. Ален де Бенуа. Переосмысление коллективной идентичности/ Тезисы к четвертой теории.[Электронный ресурс] Режим доступа <http://www.sorokinfond.ru/index.php?id=603>
8. Лекция 3. Баумана, прочитанная 6 апреля 2011 г в рамках проекта «Публичные лекции Полит.ру» [Электронный ресурс] Режим доступа <http://www.polit.ru/article/2011/05/06/bauman/>
9. Тоффлер Э. Шок будущего. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. –557с.
- 10.Тоффлер А. Футурошок СПб.: Лань, 1997 – 462 с.

Яковлев Д. В. – доктор політичних наук, професор кафедри соціальних теорій, декан факультету правової політології та соціології НУ ОЮА

(рецензія на монографію: Вдовичин І. Я. Свобода особи в правій українській політичній думці (20-30 роки ХХ ст.) [Текст]: монографія / Ігор Вдовичин. – Івано-Франківськ: Місто НВ, 2010. – 512 с.)

ДЕРЖАВНІСТЬ І СВОБОДА: НЕРОЗРИВНА ЄДНІСТЬ

Однією з цікавих і актуальних тем досліджень в галузі історії української політичної думки є проблема свободи людини. Актуальність обумовлена складністю і суперечливістю сучасних державотворчих процесів, які потребують переосмислення і творчого застосування теоретичних політологічних розробок попередніх поколінь. Рецензована монографія містить системний аналіз поглядів української політичної думки правого напрямку 20-30 років ХХ століття на свободу людини. У центрі наукової роботи автора є політичні концепти багатьох мислителів, що формували праву думку не тільки міжвоєнної епохи, а й суттєво вплинули на її сприйняття у сьогоденні. Робота складається із вступу, трьох розділів, що поділені на чотирнадцять підрозділів, висновків, списку літератури і використаних джерел, іменного покажчика.

У вступі І. Я. Вдовичин акцентує увагу на кількох важливих моментах: обґрунтовує актуальність визначеної теми для політичної практики сьогодення; аналізує стан вивчення даної теми; визначає основні завдання, на розв'язання яких спрямована монографія. Проаналізовано розуміння особи як предмету дослідження політичної науки та розкривається світоглядно-теоретичний концепт правої ідеї в українських історичних і політичних реаліях.

Автор монографії обстоює позицію, що підхід правої української політичної до вирішення